

*Я — Крадущийся Лис,
ты — Свернувшийся Ёж,
будет всё — зашибись,
будто — вынь и положь.*

*Наступивший наш год —
он — Парящий Орёл,
не какой-нибудь гаг,
не какой-то там вол.*

*За Парящим Орлом
вслед — Пряжущий Мизгирь,
он пойдёт напролом,
всё спрядёт вгаль и вширь.*

*По-китайски ж Орёл
этот будет — Свинья,
вот такой вот прикол,
славянин всё же я.*

*Но привыкли мы жить,
чтоб китайский был знак,
значит, так тому быть,
знать, прошёл год Собак.*

Ну, Свинья так Свинья,
год свинячий пришёл...
Славянин всё же я,
и мне ближе Орёл.

★★★

А по гаче сосед — математик,
Исполнительный, как солдатик,
он всегда и во всём аккуратный,
у него даже корень квадратный.

Все-то грядки его — уравнения,
а в остатке всегда удобрения,
в результате всего — урожай!
Ты как хочешь решай, понимай.

Дачный труд для него не обуза,
кошку он назвал — Гипотенуза,
старый пёс у него — Логарифм,
даже мух он считает, как нимф.

Да вот сам он стареть уже стал
и скукожился, как интеграл,
но всё время он в равновесии,
всё в саду растёт по прогрессии.

Появились у кошки котята,
аккуратные, как опята,
он их Катетами прозвал,
кот наш вышел — Факториал.

Да, сосед наш не знает проблем,
недоказанных нет теорем.
Математик до мозга костей
прогрессивный профессор-еврей.

★★★

Я ложусь без пятнадцати два,
а встаю без пятнадцати шесть.

*Не всегда без пятнадцати два,
но всегда без пятнадцати шесть*

*просыпаюсь — едва-едва,
но всегда успеваю поесть.
В электричке снова засыпаю...
на работу — нет, не опоздаю.*

*Это в будни режим такой.
Ну а как оно в выходной?
А на то он и выходной —
поваляться часок-другой.*

*Хороший был мужик Экклезиаст:
бывало — скажет пару слов,
как говорят, не в бровь, а в глаз,
а выйдет — на веки веков!*

*Всё, говорил он, — суета,
всё — суета сует,
а если жизнь не суета,
то значит — жизни нет!*

*И это тоже суета
в житейской суете,
страна не та, пора не та,
и сами мы не те.*

*Хороший был мужик Экклезиаст,
теперь таких, наверно, нет.
Он был горазд, всегда горазд,
и в этом весь секрет.*

*В эпоху принцев, оборванцев,
в эпоху дев, и ведьм, и фей,
когда заря протуберанцем
чертила след земных осей...*

когда критическая масса
уже бурлила в головах
и всяческие выкрутасы
выплёскивала в мир в словах,

когда фронтоны песни пели,
звуча и в крышах, и в стенах,
костры высокие горели
на чёрных плоских площадях,

когда невиданная сила
на всё свою бросала тень,
холера города косила
и «Опыты» писал Монтень.

«Лошадей не берут в космонавты», —
так монгольская мудрость гласит,
а в Сибири у нас — алконавты,
и алкаш с алкашом говорит...

Мы с Монголией вроде соседи —
там ведь тоже почти что Сибирь,
там верблюды, здесь больше медведи,
всё одно — необъятная ширь!

Здесь собаки, всё более — лайки,
этих в космос, понятно, берут,
и известно нам всем без утайки
то, что лайки те — первые тут.

Людям путь ведь они проложили,
ну а лошади — те на земле,
чтобы лошади в космосе были —
не увидишь такое во сне...

А в Сибири и присно, и ныне...
ну-ка, шурин, по пятой налей,
и подыдем мы тост, и задвинем:
ну, за космос, собак, лошадей!